

© 2014 г.

О.И. ИВАНОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК

ИВАНОВ Олег Иванович – доктор философских наук, профессор С.-Петербургского государственного университета (E-mail:oliv2002@rambler.ru).

Аннотация. Характеризуется ситуация с научным объяснением в западной и в отечественной социологии; часто за объяснения выдаются описания, формы теоретизирования, аналогии, метафоры и т.п. Рассмотрены виды научного объяснения, в том числе объяснение на основе закономерностей. Утверждается, что всестороннее объяснение социальных явлений может быть получено при условии объединения различных процедур объяснения, сочетания структурного, функционального объяснения с телеологическим объяснением, сочетания телеологического объяснения с генетическим и т.д. Таков идеал, к которому могут приближаться социологи.

Ключевые слова: социология • псевдо-объяснения в социологии • научное объяснение • виды научных объяснений • модели научных объяснений

В социальном мире обществоведы обнаружили множество специфических социальных явлений, реальных и нереальных, существовавших и существующих, привычных и непривычных, а также тех, которые могут существовать в будущем. Но обнаружить, например, существование социального порядка, лидерства, социальных норм, правил, социальных неравенств, описать все эти феномены – не значит их объяснить. Чтобы сохранить социальный порядок, социальную организацию, необходимо знать механизм их порождения, поддержания, изменения. Существование социальных неравенств, социальной стратификации нельзя объяснить, как это делают функционалисты, только тем, что они обеспечивают социальный порядок, самосохранение и жизнеспособность общества. Недостаточность этого объяснения обнаруживается тогда, когда значительное увеличение неравенств приводит к нарушению социального порядка, к социальным революциям.

Интерес к логике социологического объяснения стал появляться с середины XX в. За минувшие десятилетия удалось добиться значительных результатов в этой сфере [Теория познания, 1995: 65–85; Деяченко, 1996; Терборн, 1999: 73–102; Esser, 1991: 33–59; Иванов, 2003]. Предложены достаточно различные типы объяснений. Значение некоторых из которых первоначально переоценивалось (например, объяснения на основе “охватывающего” закона или так называемое телеологическое объяснение). Между тем возможность и необходимость использования того или иного типа объяснения социальных явлений остается не до конца выявленной, часто дискуссионной.

Сегодня ситуация с объяснением в западной и отечественной литературе характеризуется тем, что одни социологи вообще избегают использовать какую-либо логику научного объяснения, предлагая “интуитивные объяснения”, другие легко предла-

гают поверхностные, часто необоснованные объяснения на основе заимствованных из литературы формулировок социальных законов или сконструированных самостоятельно. Но, пожалуй, самой распространенной практикой являются “факторные объяснения”, когда исследователь выявляет одну или несколько причин или факторов, вызывающих некоторые следствия. В этом случае фактически дается не объяснение, а проводится подготовка к нему. Такие социологические объяснения не вызывают доверия внимательного читателя и не способствуют удержанию и повышению статуса социологии как науки. На практике простое описание социального явления часто считают объяснением, объяснением также считают различные формы теоретизирования по поводу социального явления.

Выступая за объяснительную социологию и опираясь на логику объяснения на основе общего закона, германский социолог Х. Эссер поставил вопрос о том, что не следует считать объяснениями. По Эссеру, к объяснениям нельзя отнести: простые описания; терминологии (работа с понятиями, обозначение социальных явлений определенными понятиями), типологии, таксономии и “идеальные типы”; дискурсивные интерпретации, которые в действительности оказываются дескриптивными интерпретациями; аналогии и метафоры; ориентационные гипотезы (Orientation hypotheses) [Esser, 1991: 47–48].

Попробуем дать приблизительные количественные оценки соотношения описания и объяснения в социологии. Можно предполагать, что 80% из известных социологам социальных явлений в той или иной степени описаны с использованием обыденной и научной терминологии. Но далеко не все из этих явлений получили хоть какое-то научное объяснение. **Это свидетельствует о том, что социология во многом остается описательной наукой. Она с трудом обретает статус объяснительной дисциплины.**

Все существующие социологические объяснения можно разделить на следующие категории: научные и псевдонаучные; односторонние и многосторонние; системные и комплексные. Большая часть научных социологических объяснений – односторонние или скетч-объяснения, неполные объяснения. И только очень незначительную часть объяснений можно оценить как многосторонние, комбинированные. Сегодня в социологии отсутствуют системные и тем более комплексные объяснения. И одна из причин такого положения – нерешенность многих вопросов онтологии социального мира. Как заметил У. Аутвейт, “в социальных науках трудно добиться определенности в объяснении или даже просто в идентификации элементов возможного объяснения. Другими словами, ключевой является не проблема методологии, а проблема онтологии: социологи не могут достичь согласия относительно того, из каких сущностей, элементарных объектов состоит социальный мир и как они соотносятся друг с другом. В социальных науках все элементарные объекты в принципе могут быть оспорены в любой данный момент времени” [Аутвейт, 1996: 151].

Упомянувшийся германский социолог Х. Эссер полагает, что номологическое ядро объяснения всех типов социальных феноменов должно быть обнаружено в теории человеческого действия, на уровне законов действия. Предполагается, что это номологическое ядро обладает большей общностью, нежели так называемые структурные законы. Кроме того, мы можем использовать это ядро для анализа воздействия структур на действия. Также необходимо из массы ранее объясненных следствий действия обнаружить возникшие коллективные феномены. Именно коллективные феномены и должен объяснять социолог.

Эссер предупреждает социологов от использования, по его мнению, следующих ошибочных заключений: коллективистского ложного заключения, когда характеристики одной структуры объясняются через характеристики другой структуры; здесь предполагается существование макросоциологических законов *sui generis*, которые создают возможности для структурных перемен независимо от акторов; сюда Эссер относит все теории, в которых утверждается автономия “социальных систем” от индивидуальности “психологических систем”; психологическое ложное заключение, в котором положение актора в данное время объясняется его индивидуальными диспо-

зициями в предыдущее время, а не ситуативными характеристиками, опосредующими действия и акторов; аутопоэтическое ложное заключение, когда предполагается, что действие исходит не от актора, а действия сами по себе порождаются другими действиями [Esser, 1991: 52–53].

В предлагаемой Эссером модели объяснения номологическое ядро (законы действия) остается постоянным, а свойства ситуационных условий действия и деятеля – вариативны. Эссеру кажется, что его схема объяснения позволяет не только объяснять положение, возникновение и изменение социальных структур, но, более того, показать каким образом эти структуры всегда опосредуются микроуровнем социальной реальности. К сожалению, автор в этой статье не дает примеров использования своей схемы. Ее реализация, несомненно, возможна, но одновременно стоит заметить, что объяснение всех социальных явлений на ее основе вряд ли возможно.

Сама попытка объяснить все коллективные феномены на основе одной модели объяснения изначально нереалистична. Здесь следует сделать замечание по поводу известной проблемы связи – разрыва микро- и макроуровней социальной реальности. Как говорит Дж. Тернер, “теперь теоретики хотят объяснить микро- и макропроявления – все сразу, несмотря на то, что ни микропроцессы взаимодействия между индивидами в определенных ситуациях, ни макродинамика больших скоплений людей не были адекватно концептуализированы” [Тернер, 1999: 122]. Следует согласиться с Тернером в том, что в социологии пока не созданы концептуальные и методологические средства преодоления разрыва в понимании взаимосвязей микро- и макропроцессов.

Нельзя принять и негативную оценку Эссером структурных объяснений, по его терминологии “a collectivistic false conclusion”. Хотя все социальные явления производят люди, но связи между их действиями и возникающими на их основе структурами существуют автономно и относительно независимо от мотивов деятелей. Поэтому при объяснении сверхиндивидуальных сущностей никакого обращения к мотивам деятелей не требуется. Мы согласны с И. Девятко в том, что «многие социальные явления нельзя объяснить с точки зрения “внутренней перспективы” индивидуального деятеля (или сколь угодно большого числа таковых)» [Девятко, 1996: 77]. Это заблуждение, будто без мотивов нельзя объяснить коллективные массовые социальные явления. По нашему мнению, природа разных социальных явлений требует различных методологических средств объяснения. Иными словами, логика объяснения социального действия неприменима для объяснения других социальных явлений.

По существу сходных позиций придерживается один из сторонников “нового реализма” Р. Бхаскар: “... Ни общество, ни действие нельзя отождествлять, сводить одно к другому, объяснять или реконструировать друг из друга”. Существует онтологический разрыв между обществом и людьми и, кроме того, особый способ связи (именно, преобразование). Бхаскар рассматривает четыре модели связи <общество>/<личность>: веберовский стереотип, который ведет к волюнтаризму; дюркгеймовский стереотип, ведущий к “реификации”; диалектическую модель, в которой, по мысли автора, ощущается волюнтаризм и механистический детерминизм. Отвергнув вышеназванные модели, Бхаскар предложил другую, преобразовательную модель, которая, как полагает автор, преодолевает ошибки прежних моделей [Бхаскар, 1991: 227].

Говоря о создании объяснительной социологии, важно определить, что объяснять в социальном мире: действия людей, взаимодействия людей, поведение индивидов и групп, массовое поведение, взаимодействие социальных групп, результаты взаимодействия индивидов и групп (социальные связи, отношения, структуры, институты, организации и т.п.), социальные процессы (организации, дезорганизации, интеграции, дезинтеграции и т.п.)? Не менее важен и другой вопрос: каковы приоритеты объяснения, какие модели объяснения предпочтительнее использовать. Сегодня мы располагаем различными типами и видами объяснений: номотетическими; реалистскими; квазинотетическими (на основе знания о существующих в данном обществе норм-правил); структурными; причинными; генетическими; функциональными; диалектическими; телеологическими и др. [Девятко, 1996; Иванов, 2003].

Полагаем, что приоритетными объектами социологического объяснения должны быть вне, над и сверхиндивидуальные сущности, а в качестве основных моделей объяснения можно использовать номотетическую, причинную, реалистскую и диалектическую модели.

Учитывая, что многие вышеназванные модели объяснения уже описаны, остановимся на реалистском объяснении, поскольку эта модель объяснения пока не в полной мере вовлечена в отечественный социологический дискурс. В соответствии с новым реализмом (Р. Бхаскар, У. Аутвейт, М. Арчер) для объяснения социального явления достаточно обнаружить порождающий его механизм, при этом необязательно знание социальных закономерностей происхождения и функционирования данного социального явления. “Научное открытие”, по Аутвейту, включает следующие процедуры: 1. Идентифицируется и описывается результат. 2. Предлагается гипотетический механизм, который, если существует – может этот результат объяснить. 3. Предпринимается попытка показать существование и действие этого механизма: а) позитивно, при помощи экспериментов попытаться выделить и в некоторых случаях прямо наблюдать механизм; б) негативно, исключением альтернативных объяснений [Козакевич, 1991: 172].

Но для многостороннего объяснения социального явления, по нашему мнению, необходимо обнаружить также механизмы, обеспечивающие: жизнеспособность, самосохранение, функционирование явления; изменчивость, способность к развитию явления. Необходимо выявлять и механизмы, ведущие и приводящие явление к гибели, исчезновению. Без обнаружения указанных механизмов невозможно полное научное объяснение социальных явлений.

Обратимся к вопросу о научном объяснении социальных явлений на основе социального закона. Если такие законы объективно существуют, объяснение социального явления на основе закона возможно. Если таких законов не существует, то и объяснение указанного типа невозможно и стремиться к нему не имеет смысла. В этом случае социолог должен использовать другие типы объяснения.

В XX в. многие западные социологи действительно отказались от поиска общих законов и ограничили свой научный поиск обнаружением частных законов. Другие вообще стали отрицать объективное существование каких-либо социальных законов. Сегодня вопрос о социальных законах (закономерностях) остаётся дискуссионным. Учитывая фундаментальную важность этого вопроса для самоопределения социологии как науки, здесь мы вновь обратимся к его рассмотрению. С середины XX в. предпочтительной формой научного объяснения многие методологи стали считать причинное (генетическое) объяснение на основе так называемого “охватывающего” закона. И социальные учёные должны были определить своё отношение к данному типу объяснения. Таким образом, вопрос о научном объяснении социальных явлений на основе социального закона упирается в вопрос об объективном существовании этого закона.

Вопрос о существовании объективных социальных законов сводится к поиску ответа на более конкретный вопрос: имеются ли в социальной действительности объективные, общие, необходимые, существенные, повторяющиеся связи между социальными явлениями и (или) их свойствами? Если такие связи в социальном мире существуют, то как их можно и нужно установить (выявить) и как можно и нужно сформулировать научно обоснованные высказывания (суждения) об этих связях. Научная методология требует различать объективный закон и научный закон. Научные законы – обоснованное суждение (высказывание), в котором отражаются объективно существующие связи между явлениями и (или) свойствами явлений. В научном законе как высказывании нельзя выразить в полном объёме все отношения действительности, но в нем выражается главное, существенное. Если мы верим в объективное существование социальных законов и если мы принимаем данное определение объективного закона, задача социолога как ученого состоит в том, чтобы обнаружить объективно существующие связи между отдельными социальными явлениями и (или)

их свойствами. Если такие связи носят общий для рода явлений объективный, необходимый, существенный, повторяющийся характер, они закономерны.

Мы выделили в социологии четыре основных представления о социальных законах. В соответствии с первым представлением социальные законы существуют объективно и принципиально ничем не отличаются от природных. Второе представление, допуская объективное существование социальных законов, акцентирует как их общность с природными законами, так и отличие от них. В третьем представлении подчёркивается принципиальное отличие социальных закономерностей от природных (здесь, в частности, речь идёт о так называемых телеологических закономерностях). Сторонники четвёртого представления отрицают существование в социальном мире каких-либо закономерностей.

Родоначальники социологии и многие социологи XIX в. в своём размышлении о социальном мире исходили из первого представления. Но в дальнейшем происходит массовый отказ от него. Сегодня актуальными остаются три последние представления. Пересматриваются и ранее сформулированные “научные” социальные законы.

Ознакомление с работами многих социологов XIX в. показывает, что они сформулировали многообразные социальные законы (законы общества, общественной жизни, законы возникновения, изменения и исчезновения конкретных социальных явлений), исходя из умозрительных, метафизических представлений. По мнению этих социологов, предлагавшиеся формулировки научных социальных законов отражали (выражали) в понятийной форме объективные социальные законы.

Если социологи XIX в. социальные законы создавали в большом количестве, то западная социология XX в. практически и не ставила, и не решала такой задачи. В большинстве научных работ западных социологов и созданных ими учебниках по социологии, социологических словарях понятие социального закона вообще не употребляется. Социологи XX в. к социальным законам относятся с большой сдержанностью и не спешат делать поспешных и декларативных суждений о социальных закономерностях. У тех социологов, которые сегодня решаются заявлять о социальных закономерностях, такие заявления часто носят декларативный характер. А там, где социальный закон сформулирован, отсутствует его необходимое и достаточное обоснование.

Вместо понятия “социальный закон” западные социальные ученые чаще всего используют такие понятия как: “стандартизированное поведение”; “регулярности поведения”; “паттерны поведения”. Подобное понятийное самоограничение не носит случайного характера. Эти социологи уже не столь амбициозны, они не стремятся открывать универсальные законы социального развития мира, но они и не ушли от постановки и решения задач, связанных с поиском объективных связей между социальными явлениями, таких связей, которые в конкретное социальное время и в конкретном социальном пространстве в течение определенного исторического периода носят необходимый характер и регулярно воспроизводятся. Обнаружение этих связей, формулировка научных высказываний о них – основа и научного объяснения и научного предвидения массового поведения людей.

На практике социологи не так часто решаются на оценки и обобщения ранее проведённых исследований социальных связей. Показательна в этом отношении точка зрения Р. Коллинза [Коллинз, 1999: 37–72]. Стремясь дать отпор скептикам и оппортунистам, отрицающим способность социологии достигать достоверных обобщений и (или) формулировать научные законы, этот автор приводит три примера достоверных значимых обобщений: установление принципов зависимости между плотностью взаимодействия, солидарностью и конформизмом; принцип “ограниченной” рациональности; военно-фискальный кризис государства ведёт к дезинтеграции аппарата принудительного контроля, а это ведет, в свою очередь, к восстановлению управляемых. Позиция Коллинза – исключение из типичной социологической практики, когда социолог старательно обходит вопрос о социальных закономерностях. Коллинз рекомендует социологам больше внимания уделять ясному выражению накопленных ими знаний, и с ним нельзя не согласиться.

Социальные законы как регулярности поведения, как паттерны поведения и мышления, как тенденции социальной эволюции существуют объективно, но они возникают, складываются, существуют, эволюционируют в определённых природных и социально-экономических условиях, в определенном социальном пространстве и времени. Искусственное сдерживание естественных социальных процессов (тенденций эволюции социальных явлений) может на некоторое время приостановить их проявление, их необходимую трансформацию, но бессильно их вообще устранить. Искусственно прерванная тенденция со временем вновь оживает.

Обратимся теперь к рассмотрению логики научного объяснения на основе закона. По К. Попперу, главная задача наук в обществе состоит не в пророчестве о будущем ходе истории, а в открытии и объяснении менее очевидных зависимостей, имеющих место в социальной сфере [Поппер, 1992: 112]. Социальный ученый должен анализировать и по возможности предвидеть реакции людей на созданные в основном помимо их воли и желания структуры институтов и традиций, а также выявлять неожиданные социальные последствия. К. Поппер полагал: дать научное объяснение события значит дедуцировать положение, описывающее его, используя в качестве посылок дедукции один или больше универсальных законов совместно с определенными единичными положениями – начальными условиями [Popper, 1959: 59].

Приведем пример объяснения, приводимый К. Поппером. Всегда, если нить нагружена весом, превышающим ее прочность, нить разрывается (З) (закон). Данная нить была нагружена весом, превышающим предел ее прочности. (С). Данная нить разорвалась. (Е) (единичное фактуальное положение). Логическая форма данного объяснения: всегда, если С, то Е.

Данная формула объяснения получила широкое применение среди представителей естественных наук, но социальные учёные относились и относятся к ней либо весьма сдержанно, либо вовсе негативно. Последнее объясняется отрицанием повторяемости в социальном мире объективного существования социальных законов (закономерностей) или трудностями выражения объективно существующих социальных законов.

Не будем рассматривать ранее предложенные формулы этих законов, но приведем свои примеры объективно существующих социальных закономерностей. Чем слабее в обществе социальный контроль, тем вероятнее распространение в нем девиантных форм поведения. Ослабление государственного контроля за деятельностью госслужащих ведет к распространению коррупции. Нарастание в обществе социальной дезорганизации приводит к обострению существующих социальных проблем и появлению новых; выходец из семьи с высоким социально-экономическим статусом с большей вероятностью займет в обществе позиции с высоким социальным статусом; борьба социальных групп за реализацию своих материальных интересов – причина социальных изменений.

Мы предложили формулировки некоторых социальных закономерностей. Другие авторы могут предложить иные. Но различия в формулировках не могут и не должны влиять на предположения и(или) доказательства объективности тех или иных связей между социальными явлениями. Используя предложенные формулировки социальных закономерностей и логику объяснения на основе закона, дадим объяснение отдельных социальных событий и процессов в постсоветской России.

Вначале берем формулу одной закономерности: *ослабление социального контроля с большой вероятностью ведет к распространению девиантных форм поведения*. Далее даем формулу о положении с социальным контролем в России в начале 90-х гг. XX в. *В конце девяностых годов двадцатого века в России резко ослабло действие различных форм социального контроля*. Вывод, который можно и нужно сделать. *В результате ослабления социального контроля в России в 90-е гг. XX в. распространились девиантные формы поведения*.

Мы дали причинное объяснение распространения девиаций в России на основе знания социальной закономерности. Конечно, данное объяснение должно быть до-

полнено другими типами объяснения. Ведь сложное социальное явление требует комбинированного комплексного объяснения.

Приведем еще примеры объяснения на основе закономерности. Пример 1. Если в обществе в значительной степени ослабевает социальный контроль, в нем начинают проявляться процессы социальной дезорганизации. В России в 90-е гг. XX в. в значительной степени был ослаблен социальный контроль. В 90-е гг. XX в. в России начали распространяться процессы социальной дезорганизации. Здесь дано объяснение распространения в России социальной дезорганизации на основе общей социальной закономерности.

Формула закона “Всегда, если... то...” для объяснения социальных явлений может применяться лишь в ограниченном объеме. Социальные закономерности по преимуществу носят вероятностный характер. Поэтому для их выражения необходимы другие суждения.

Пример 2. Обычно (как правило) А ведёт к В. В стабильном обществе выходцы из семей с высоким социально-экономическим статусом обычно (как правило) занимают социальные позиции, позволяющие им получать лучший доступ к материальным и духовным благам.

Данную закономерность можно сформулировать и в другой форме: чем выше социально-экономический статус семьи, тем с большей вероятностью в стабильных обществах выходец из этой семьи получит доступ к социальным позициям, позволяющим ему получать значительные материальные и духовные блага.

Мы старались показать, что объяснение на основе социальных закономерностей и возможно, и необходимо. Но, конечно, данный тип объяснения должен быть дополнен другими типами объяснения. Процесс объяснения социального мира бесконечен, ибо быстро изменяющаяся социальную реальность невозможно объяснить до конца. Но бесконечный процесс объяснения социального мира можно упорядочить, двигаясь от: скетч-объяснений к полным объяснениям одного объекта (явления), т.е. таким объяснениям, где используются различные типы и виды объяснения; от полных объяснений однородных объектов к системе скетч и полных объяснений взаимодействия как однородных, так и разнородных объектов (включая объяснения результатов этого взаимодействия); от объяснений отдельных объектов и их взаимодействий, связей к комплексному объяснению социального мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аутвейт У. Законы и объяснения в социологии // *Девятко И. Модели объяснения и логика социологического объяснения*. М., 1996 (Раздел “Тексты”. С. 151).
- Бхаскар Р. Общество // *Социологос*. Вып. 1 / Составление и общая редакция В.В. Винокурова и А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 227.
- Девятко И. Модели объяснения и логика социологического объяснения. М., 1996.
- Иванов О.И. Методология социологии. Учебно-методическое пособие. 2 издание. СПб., 2003.
- Козакевич Х. Реализм и социология: вышла ли социология из кризиса// *Социологос*. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 172.
- Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // *Теория общества. Фундаментальные проблемы*. Под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999. С. 37–72.
- Полппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. М., 1992. С. 112.
- Теория познания. Том 4. Познание социальной реальности. Глава 5. Объяснение социальных явлений. Под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1995. С. 65–85.
- Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке// *Теория общества. Фундаментальные проблемы*. Под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999. С. 73–102.
- Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // *Теория общества. Фундаментальные проблемы* / Под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999. С. 122.
- Esser H. Social individualization and the Fate of Sociological Method// *Social Prevention and the Social Sciences*. Edited by G. Albrecht, H.-U. Otto. Berlin. New York: Walter de Gruyter. 1991. P. 33–59.
- Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery. L., 1959. P. 59.